

Размышления о параллельности миров Небольшие полушутливые комментарии о разных стилях мышления в литературе и науке о ней

Параллельный мир — это мир, который не пересекается с нашим до тех пор, пока идея о нем не пресекается теми, кто боится многоИрности.

Пресечение уже есть пересечение.

Мир Поэта (в широком смысле) всегда параллелен обыденному миру (в узком смысле). Поэт проходит незамеченным, пока не пересекается с Критиком и не пресекается им, выкорчевывающим многоИрность, как садовник дикую растительность. Критик не знает, из "какого сора". Он растет из полной упорядоченности. Поэтому он пресекает Поэта на корню.

В том, параллельном мире взлет является для Поэта необходимостью, а его падения всегда свободны.

За эти свободные падения Критик ставит Поэта в острый угол. Поэт же ставит Критика в тупик.

Острый угол поэтического падения не равен тупому углу критического отражения.

Поэта нельзя переломить. Его можно только преломлять.

Критик живет в пространстве, а Поэт — во времени. Поэтому Критику не хватает времени, а Поэту не хватает воздуха: рядом с Критиком он чувствует себя как в вакууме.

Поэт — МИРОтворец, критик — МЕРОтворец.

Критик разлагает целое на части. Поэтому он — явление частное.

То, что для Критика — "шероховатость", для Литературоведа — особенность.

"Неправильности" всякого рода раздражают критика, но привлекают литературоведа, поскольку это и есть то, что движет искусством (и наукой как искусством интерпретаций и моделирования). Из неправильностей складывается новизна.

Вопрос отдельных "неудачных" строк сводится, на самом деле, к проблеме оценки части через целое. Только в простейших случаях можно однозначно сказать, что есть откровенно слабо. Но как только погружаешься в более сложную систему поэтических траекторий, такой прямой подход уже не работает. Прежде всего, это связано с тем, что каждый интерпретирующий (включая и автора, который тоже становится интерпретатором своего произведения) выстраивает свое представление о том, что есть целое, и в зависимости от степени своей изошренности и фантазии начинает выстраивать связи целого и части. Как правило, в художественном произведении, в отличие от полухудожественного и научного, эти связи не прямые и противоречивые. На этом принципе (*ways of connectivity*) строится предрасположенность и позиционная игра в шахматах. Никогда не забуду, как Степан Петрович Ильёв, один из самых интересных профессоров Одесского университета, прочитал нам следующие строчки А. Блока:

О, я хочу безумно жить:
Все сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

— Не правда ли, строчка "хочу безумно жить" звучит банальностью, даже пошлостью? Что это означает? "Очень — в смысле "безумно" — жить хочется"? — спросил Степан Петрович. — Или хочется жить как безумец? Но тогда при чем тут связь с последующими тремя? Для рифмы, что ли?

Мы не знали, конечно, что сказать в защиту Блока, поскольку банальность, казалось бы, была налицо. И тогда Степан Петрович преподнес нам прекрасный урок оценки целого. Он рассказал нам миф о Демиурге и его роли в русском символизме, об идее безумия творца и как она скрытым образом развивалась в произведениях Блока, и только после этого сложного, далеко не прямого ассоциативного хода, строка возымела смысл и вес...

Это научило меня многому и заставило задуматься. Тогда-то я и поняла разницу между критиком и литературоведом. Это два противоположных метода мышления, аналогичные двум типам шахматных игроков. Первый идет исключительно программными связями: прямыми и непро-

тиворечивыми — очевидными для большинства и комбинационными. Второй же акцентируется на создании предрасположенности — сложной и многоярусной целостности, не программной и многошаговой, неочевидной и посему субъективной.

Метод мышления влияет на отношение к автору. Критик не доверяет автору. Ему кажется, что ему виднее. Литературовед доверяет автору, его художественной интуиции, и пытается максимально вникнуть в то, что за ней кроется. "Слабые строчки" для него являются сигналом скрытой структуры, чего-то, что может обогатить его понимание целого. В отличие от критика, если у литературоведа не складывается все в цельную систему, он винит себя. Критик же винит художника.

Критик хочет изменять, а литературовед — постигать (или — изведать).

Критик верит в истину, а литературовед — в гипотезу. Отсюда и стиль их писаний различается.

МногоИрность Поэта под силу только Литературоведу, который, в отличие от Критика, направлен на изведывание художественных вселенных.

Критик способен мечтать, но не фантазировать. Критик с фантазией — это уже Литературовед.

Поэт всегда обращен к звездам. Ему свойственно астро-умие. От природы он астрочителен, в обществе — зодиа-рист, в личной жизни — космовит.

Число Π обозначает Поэта. Поэтому оно иррационально и трансцендентально. Поэт в параллельном мире — это Π -ит.

Филадельфия

